

Герменей. Журнал философских переводов
том 2

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Г38

Г38 Герменя. Журнал философских переводов: том 2 / – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 120 с.

ISBN 978-5-458-47208-1

Журнал философских переводов

Ἑρμηνεία

Журнал философских переводов

№1 (2) 2010

Главный редактор *Олег Матвейчев*

Заместитель главного редактора *Эльфир Сагетдинов*

Дизайн и верстка *Сергей Зиновьев*

Корректор *Елена Макеева*

Содержание

Ульрих Викерт. Об истоках эллинизации христианства. <i>Перевод Э. Сагетдинова . . . . .</i>	3
Алоиз М. Хаас. Событие в философской и теологической перспективе. <i>Перевод Э. Сагетдинова . . . . .</i>	16
Мартин Хайдеггер. Вклады в дело философии (продолжение). <i>Перевод Э. Сагетдинова . . . . .</i>	34
Джозеф Хиллис Миллер. О двойном диегезисе у Платона. <i>Перевод И. Джохадзе . . . . .</i>	71
Бруно Латур. Научные объекты и правовая объективность. <i>Перевод Д. Аронсона, В. Долгорукова, Я. Закорко. . . . .</i>	78

Об истоках эллинизации христианства

УЛЬРИХ ВИКЕРТ

*Перевод с немецкого Эльфира Сагетдинова по изданию:
Philotheos. International Journal for Philosophie and Theology.*

№ 1. 2001. P. 90 – 99.

1. Предварительный вопрос: что такое эллинизм?

Когда речь заходит об эллинизации христианства, сразу вспоминается не об Элладе (Древней Греции), а об эллинизме. Поэтому прежде всего необходимо разобраться в понятиях. Эллинизм, как это могло бы показаться, не есть воплощение эллинской (древнегреческой) сущности и культуры Древней Греции. Этот термин ввел в XIX в. историк Иоганн Густав Дройзен для обозначения культурно-исторической эпохи, начавшейся с Александра Великого. Александр был македонским царем с 336 по 323 гг. до н. э. Благодаря его походам греческая культура проникла в страны Ближнего и Среднего Востока, что положило начало развитию эллинизма на Востоке. Этот термин нелегко определить; его рассмотрение возможно в самых различных аспектах. Продолжает ли эллинизм культуру Древней Греции в новых условиях или речь идет о новой культуре, характеризующейся взаимопроникновением элементов греческой и восточных культур? Но ни в коем случае эллинизм, распространившийся для того времени во всемирном масштабе, нельзя просто отождествлять с духом старого полиса, Грецией Платона и Аристотеля. Греческие традиции в эллинистический период как будто перешли в иное агрегатное состояние. И об этом свидетельствует господствующая в то время философия стоицизма, если справедлив тезис классического филолога Макса Поленца о том, что корни стоического мышления обнаруживают следы семитского влияния; достаточно указать на факт, что там, где классическая греческая философия говорит о $\nu\acute{o}\sigma\zeta^1$, духовном начале, стоик

¹ *нус* — мысль, мировой разум (греч.). — Здесь и далее примечания переводчика.

имеет дело с *αρδία*², с сердцем как центром личности человека. Об этом мы знаем из Библии. Изменение условий жизни породило в то время новую духовную атмосферу благодаря *смешению* и *синтезу* — двум разным процессам. В целом при освоении эллинистического мышления ранним христианством и древней Церковью речь идет о сознательно осуществленном синтезе, который в значительной мере опирался на истолкование текстов и совершался, согласно современному словоупотреблению, герменевтически.

Решающим было то, что греческий язык в форме так называемого койнэ, т. е. общеупотребительного языка, охватывал все страны таким образом, что, по выражению английского исследователя Уильяма Тарна, «он мог довести от Марсея до Индии и от Каспийского моря до порогов Нила». Греческий был английским античного мира. Доступный нам первоначальный текст Нового Завета был написан на греческом. Даже в Риме греческий язык имел официальное хождение. Самый древний документ в истории Церкви «Первое послание св. Климента» был написан в Риме около 96 г. не на латыни, а на греческом языке; о послании мы еще скажем. Культурными центрами эллинизма преимущественно были Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, а также малоазиатский город Тарс, родной город еврея Савла, назвавшегося римским именем Paulus (Павел). В ходе своих завоеваний Ближнего Востока римляне противостояли некоему замкнутому культурному миру, при этом они не могли противопоставить ему ничего равноценного и безоговорочно перенимали у побежденных греческую (эллинистическую) образованность.

2. От партикулярности к универсальности

Тема моей статьи — «Об истоках эллинизации христианства» — звучит как слишком частный вопрос, поэтому ее можно переформулировать следующим образом: каким образом получилось так, что христианство из маленького палестинского уголка, где оно взяло начало, столь мощно, столь решительно и уверенно в своей будущности смогло вступить в широкий простор мира эллинизма? Можно указать на причины внешнего порядка: во-первых, космополитическое мировое чувство (*Weltgefühl*), которое было духовно обосновано ведущим философским учением эллинизма стоицизмом и распространялось в историческом пространстве, разомкнутом Александром Македонским. Во-вторых, приостановка в захватнической политике Рима во время *Pax Romana* (Римского мира) при Августе. Эти два обстоятельства создали

² *кардиа* — сердце (греч.)

в этом пусть даже ограниченном, но становящемся единым мире некое всеобъемлющее вместилище, в котором и маленький ручеек стал способен вырасти в море.

Разумеется, это было бы невозможным, если бы в самом христианстве не было силы для такого роста. И как раз здесь мы сталкиваемся с удивительным феноменом: то, что на первый взгляд казалось частным явлением, совершенно неожиданно раскрылось в своем универсальном значении. Это можно выразить притчей, рассказанной Иисусом, о том, что в ростке дерева, столь малом, как горчичное зерно, уже содержатся большие ветви, «так что под тенью его могут укрываться птицы небесные» (Мк 4, 31 – 32). И когда хананейка приступила к Христу, моля Его исцелить ее беснующуюся дочь, Он сказал в ответ, как нам может показаться, слишком жесткие слова: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф 15, 24). И все же свершившееся позже исцеление было вознаграждением за удивившую Его самого глубокую веру и материнскую мудрость этой женщины. А затем тот же св. Матфей, повествуя об этом, так передает слово Воскресшего: «...дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их..., уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф 28, 18 – 20).

Там — только дом израилев, здесь — уже все народы: в одном и том же Евангелии обособленную самодостаточность сменил некий всеобъемлющий горизонт, который на самом деле открылся не чем иным, как воскрешением распятого Иисуса из Назарета или, формулируя осторожнее, верой в Его воскресение. И все же я — как историк! — должен настаивать: речь не может идти исключительно о том, что ученики, с видениями или без таковых, пришли к *идее*, что, как это сформулировал один из исследователей Нового Завета, дело Иисуса продолжается!³ Как бы ни были по-разному стилизованы свидетельства евангелистов о воскрешении и пришествии то, что после катастрофического разгрома остановило учеников в их рассеянии по всему свету и, по всей вероятности, под водительством Петра вернуло их в Иерусалим должно было стать на этой таинственной границе между *Здесь* и *Там неким заложившим основу и непрерывно обосновывающим изначальным опытом*, осознаваемым опытом призвания и предназначения в явлении Воскресшего.

Разумеется, поначалу ученикам, имеющим свои корни в иудаизме, было трудно проповедовать Евангелие в его охватывающем все народы значении. Если кто-то захотел бы стать христианином, не становясь сначала иудеем, то в контексте верности традициям это было бы трудно разрешимой проблемой. И решение такого рода проблем пришло не от первых апостолов, не-

3 «Die Sache Jesu geht weiter». *Марксен* (Marxen) *Вилли* (1919—1993), немецкий протестантский исследователь Нового Завета.

смотря на исторически неверифицируемую роль, которую, согласно «Деяниям святых апостолов» Луки, взял на себя апостол Петр как миссионер, обращающий язычников (Деян, 10). Решение пришло совсем с другой стороны, а именно от тех евреев, которые, живя в эллинистической диаспоре и говоря по-гречески, вдохнули в себя нечто от «аромата большого и просторного мира» и начали воспринимать отеческий закон в некоей свободе, скорее одухотворяющей его букву. Показательным примером такого развития, получившего здесь новый толчок, был Павел, ставший, благодаря судьбоносному сочетанию нескольких факторов, одной из великих личностей, в которых сосредотачиваются существенные вопросы эпохи и жизнью которых решаются.

Павел стоял на точке пересечения трех духовных миров, откуда он мог обозревать раскрывшийся ему в своей целостности мир. Это пересечение было образовано,

во-первых, центром эллинистической образованности Тарсом в Малой Азии, который, как уже было отмечено, мог поспорить с Антиохией и Александрией. *Во-вторых*, Павел был страстно убежденным иудеем, он сам о себе говорит в «Послании к филиппийцам» (Флп 3, 5 – 9): «по учению фарисей... по правде законной — непорочный». *В-третьих*, в Римской империи он был дома, я имею в виду «Послание к римлянам» (Рим 13). Я намеренно выражаюсь неопределенно, так как здесь было бы необходимо предварительное понимание того, в каком смысле Павел мог владеть правами римского гражданства, о факте владения которыми говорится в «Деяниях святых апостолов» (Деян 22, 25); во всяком случае эти права (Isopolitie) все же могли быть только потенциальными, поскольку он как иудей, державшийся в стороне от языческого культа, едва ли мог актуализировать их. Это и есть «духовное пересечение трех миров» — эллинизма, иудаизма и римской культуры. Но причиной того, что осуществленный таким образом панорамный взгляд на средиземноморский мир того времени мог стать импульсом для того, чтобы, как это метафорически говорит сам Павел в «Послании к римлянам» (Рим 15, 19), *все* наполнить Евангелием Христа, стал осиявший Павла в светлый полдень близ Дамаска великий свет с неба, в тысячу раз ярче Солнца (Деян 22, 6; 26, 13). В грекоговорящем мире того времени то и дело случались подобные экстатические опыты встречи с вышним миром. Душа оказывалась изъятая трансцендентным, при этом осмысление пережитого в зависимости от той или иной духовной ситуации каждый раз происходило по-разному. Мы знаем об этом от Платона (около 400 г. до н. э.), от Филона, иудейского религиозного философа времен Христа, от среднего платоника Плутарха (около 100 г.), от Плотина, основателя неоплатонизма (III в.). Необходимо иметь дело с греческим языком греческого мышления, который касается метафизического, чтобы и в этом мышлении,

как однажды заметил Платон в диалоге «Федр» (250 d), бытие *засияло*. Как для палестинских первых апостолов явления Воскресшего *на земле*, так и для эллинистического иудея Павла мгновенная изъятость в *неземной* свет связаны с принятием своего призвания. Но важно следующее: в отличие от языческих философов, которые в подъеме своей души касались ускользающей истины, будучи в конечном итоге не в силах ее поименовать, экстатический опыт иудея Павла вылился в откровенное, путепказующее слово, снисшедшее на него свыше: он принял всей своей душой послание от Господа *Вышнего*, которое в апостольской деятельности Павла не переставало бытьдвигающим вперед импульсом.

И в этом пронизанном высшим знанием опыте, который позволил Павлу еще раз окинуть взором целое с более высокой точки зрения, коренятся два момента. *Во-первых*, убежденность, что Евангелие, с которым он до этого опыта боролся, должно быть возведено всюду невзирая на границы (сегодня мы сказали бы: в глобальном масштабе), во всем мире, раскрывшемся ему с точки пересечения трех миров, и возведено, поскольку речь шла о языческих народах, в форме проповеди, свободной от языческого закона: это Павел постиг со всей ясностью. *Во-вторых*, это, поскольку он «видел» *Господа Вышнего на небесах* (1 Кор 9, 1), есть внутренняя необходимость внести в проповедь то измерение мышления, которое с самого начала было доступно лишь в эллинизме и оставалось при этом вне поля зрения первых апостолов, — никакой развитой метафизики, но все же метафизические положения, которые нельзя не принимать во внимание и к разработке, как это зачастую происходит в современной, держащейся в стороне от метафизики теологии — учение о преждедущем Христе, который, несмотря на то что «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп 2, 6–9). На это (как и на Евангелие от Иоанна) смогли опереться греческие и несколько позже латинские Отцы Церкви в создании своих проектов христианской метафизики. Отсюда *систематическим образом* началась хорошо подготовленная «эллинизация христианства», которая в то же время — и это очень важно! — стала христианизацией эллинизма. Своими корнями эта христианизация уходит во второе поколение первых христианских миссионеров, если не принимать во внимание то, что уже задолго до этого перевод Ветхого Завета на греческий язык, Септуагинта, уже в достаточной степени свидетельствует об эллинизации *еврейства*, главным представителем которого в I в. можно назвать уже упоминавшегося Филона Александрийского, толкователя Библии и религиозного философа.

3. Развитие христианского миропонимания в период с 96 по 180 г.

Главным свидетельством этого развития является так называемое «Первое послание св. Климента Римского к коринфянам», которое передала «Церковь Божия, живущая на чужбине в Риме, Церкви Божией, живущей на чужбине в Коринфе» с курьером в 96 г. Резко проявившиеся в то время нестроения из-за смены поколений в коринфской общине, подтолкнувшие римскую общину к вмешательству, стали для автора поводом для того, чтобы сделать *in nuce*⁴ набросок христианского мира — Адольф фон Гарнак⁵ точно указал то великое значение, которое имело это событие для будущего.

Это научная картина мира того времени. Птолемею, который сформулировал геоцентрическую модель мира, во время составления послания Климента было примерно 12 лет. Но и по предшествующим астрономическим исследованиям было известно, что Земля находится в центре мироздания и что далеко за ее пределами вращаются сферы с планетами. Нас ведут по всем уголкам земли, мы осматриваем и сушу, и море, и животных, узнаем времена года, и ветры совершают свое служение, и неиссякающие источники непрестанно доставляют влагу, и смутно чувствуем, согласно представлениям того времени, преисподнюю глубоко под землей. Наше послание предоставляет нам и своего рода маленькую сенсацию, когда оно говорит о мирах, находящихся по ту сторону океана: Америка еще не была открыта, но умозрительная география греков предвидела, что если двигаться на запад по круглой поверхности Земли, то можно попасть в другие *κόσμοι*⁶, другие миры. Это целостность неба и земли для христианского автора Климента Римского не распадается благодаря миру и согласию: у досократиков это были государственно-правовые понятия, в эллинистическую эпоху они были расширены до космоса, а в философии стоиков они стали обозначать в первую очередь не поведение человека, а всеохватывающее действие присутствия всепроникающего божественного Логоса. В нашем послании этому соответствует заимствованное из учения стоиков понятие порядка, которое характеризует космическую структуру, основополагающим образом обеспечивающую мир. Стоическими прежде всего являются ощущение вездесущего божественного управления, *διοίκησις*⁷, с самого начала осмысленного пантеистически, и сознание божествен-

4 «в зародыше» (лат.).

5 Гарнак (Harnack) Адольф фон (1851–1930), лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории раннехристианской литературы и истории догматов.

6 *κόσμοι* — миры (греч.).

7 *διοίκησις* — управление, руководство, хозяйство (греч.).

ного провидения, *πρόνοια*⁸, которое проявляется в постоянном сохранении целого. Когда слышишь такие вещи, невольно можешь подумать о том, что миропонимание и мировое чувство, несмотря на некоторые аналогии, не имеют ничего общего с Библией и христианством. И все же — Климент Римский воспринял эту греческую философско-космологическую традицию и поместил ее в своем толковании в контекст Ветхого Завета.

Помысленный греками космос стал восприниматься через *веру* как творение Бога Израилева. Это выражается в том, что отныне причина воспринимаемого в космосе *порядка* (Ordnung) — это *распоряжение* (Anordnung) библейского Создателя и осуществляется этот порядок в послушном *подчинении* (Unterordnung) созданий. Это имеет своей предпосылкой, что космос, Вселенная мыслится как гигантское и само по себе сложное тело. Следовательно, в центре мира действует уже не божественный логос стоиков, а воля Ветхозаветного Создателя. Соответственно этому мир и согласие во Вселенной — ответ творения на распоряжающееся веление Божие. Одна причина, если можно так выразиться, заменяется на другую — вместо философского логоса воля живого Бога, и если это есть эллинизация библейской веры, то в то же время и в определенном смысле это гораздо большее воздействие библейской веры на эллинизм, пронизывающее и переформирующее его. Во всех вещах действует могущественная сила, с помощью которой Создатель поддерживает устойчивость мироздания и в то же время удерживает в своих границах вечно бурлящее море хаоса, угрожающее устойчивости мира. Ветхозаветный мотив обуздания водного хаоса возникает здесь снова, но в несколько очеловеченной форме. Так как могущественная сила Создателя сразу же смирилась, она стала благодатным провидением: Бог не только не ограниченный Господин над миром, его *δεσπότης*⁹, но и его Благодетель, *εὐεργετής*¹⁰. Это непреодолимая и вместе с тем добрая воля живого Бога, в которой незримо оказывается космос греков. Одна только эта мысль является для римской христианской общины миссионерским актом всемирно-исторического ранга!

Однако же тем самым мы не предполагаем, что синтез ветхозаветной веры в Создателя с философской космологией был осуществлен исключительно Климентом. Большею частью он опирался на готовые тексты, которые возникли в эллинистической, а значит, грекоговорящей — синагоге столицы мира. Именно из этой синагоги, по достоверным источникам и выросла местная христианская община. Этот процесс показателен; это не означает ничего больше, чем то, что, как это ни парадоксально, эллинистическая синагога участвовала в подготовке духовной почвы для пропове-

8 *προνοία*, — предвидение, намерение, промысел, провидение (греч.).

9 *δεσπότης*, — господин, хозяин, повелитель (греч.).

10 *εὐεργετής*, — творящий добро, благодетель (греч.).

ди Церкви среди всех народов. Здесь и разгадка того, как смогло произойти, что ожидание первых христиан близкого конца света переросло в ранней Церкви в убеждение, что все создания пока что покоятся умиротворенными во все хранящей доброй воле Создателя; конец несомненно наступит, но не сейчас! В современной теологии были предприняты попытки понять переход от первохристианского ожидания близкого конца к общему церковному ожиданию конца времен, и нередко в адрес Церкви раздавался упрек в том, что она в своем приспособлении к официозу мира отреклась от изначальной веры. Однако историческое развитие не могло идти по некоей простой линии, исходящей из первого христианства. Не во всех городах, но в самых решающих из них, как с самого начала имевший немало путеуказаний христианский Рим, или же Александрия, эллинистический иудаизм является в этом развитии соучаствующим (*nebeneingekommen*). Он в своем синтезе библейской веры и эллинистического мышления разомкнул некое укрытое пространство, в котором было удержано слишком спешащее к концу первое христианство. Очевидно, божественное Провидение что-то еще уготовило истории человечества. Но так скоро, как прозревал это Павел в своем ожидании конца времени, это не должно было произойти.

Однако же Климент Римский не ограничивался тем, чтобы воспринимать традиции эллинистической синагоги; ведь тогда он был бы иудеем. В этот его синтез библейской веры в Творца и эллинистического миропонимания входит как нечто третье — Иисус Христос. Иисус Христос есть для него смиренный Раб Божий, который заботится об этом так мыслимом и так находящемся в вере синтезе Греции и Израиля. Здесь также можно вспомнить о том, что Павел писал в «Послании к римлянам». Его письма, написанные на папирусе, лежат под рукой в келье Климента; опираясь на них, этот римский христианин проповедует о преждедущем Христе, который смиренно принял на себя человеческий образ (Первое послание св. Климента Римского к коринфянам. 16, 2 и далее) и чья крестная жертва подарила всему миру благодать покаяния (7, 4). Прежде всего Иисус есть воскресший и вновь пришедший Господь. Климент Римский соприкасается с эллинистической мифологией, когда он учит: совершенные в любви после своей смерти попадают в «место праведных». Но это райское место не есть для христианского автора «конечная станция Желание» (*Endstation Sehnsucht*). Мифологическая благочестивая цель преобразуется для него в некое место ожидания: когда в событии пришествия нас настигает царство Христа, эти предназначенные для спасения души полностью возвращаются. В высшей степени поучительная фигура мысли: то, что в эллинистическом мире было осмыслено иудеями и язычниками, соотносится отныне с Христом. Вследствие этого оно в своем бытии преобразуется: прежде всего Движущийся сам по себе, покоя-